

В. И. БЫВАЛЬКЕВИЧ
ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ В 1876 ГОДУ

Выступление на Высших педагогических женских курсах
в С.-Петербурге 5 ноября 1876 года
Его речь и чтение 3-й главы романа «Новь»
(Третья глава из воспоминаний курсистки семидесятих годов
Высших педагогических курсов)

Публикация Л. Н. Назаровой и Н. П. Генераловой

Варвара Ивановна Бывалькевич (урожд. Бородаевская; 1858—1941) принадлежала к поколению, на долю которого выпало первому в России прокладывать дорогу движению женской эмансипации. В сентябре 1876 года она стала слушательницей математического отделения Высших педагогических женских курсов в Петербурге. В своих воспоминаниях она подробно рассказала о событиях того времени, в том числе о выступлении перед курсистками Ивана Сергеевича Тургенева.

Воспоминания Бывалькевич были написаны ею, очевидно, по просьбе В. А. Мануйлова (1903—1987). Л. Н. Назарова вспоминала: «В 1930-х годах, когда я была помощником В. А. Мануйлова в Ленинградском Пушкинском обществе, среди членов этой организации было много пожилых людей. К ним всегда с особенным уважением относился Виктор Андроникович. Одной из них была Варвара Ивановна Бывалькевич. Она всегда желала, чтобы ее после собрания провожал домой сам Мануйлов. Я не знаю, рассказывала ли Варвара Ивановна ему тогда о своей прошлой жизни, но, во всяком случае, свой интересный архив она завещала позже именно Виктору Андрониковичу. Сохранилось в этом архиве и несколько писем Варвары Ивановны к Мануйлову». Эти письма, как и всю небольшую папку с документами Бывалькевич, Л. Н. Назарова передала в Тургеневскую группу Института русской литературы с целью опубликовать их в настоящем сборнике.¹

Помимо воспоминаний Варвара Ивановна писала в молодости стихи, правда, они не отличались особым поэтическим мастерством. Судя по письмам к Мануйлову, он тоже не советовал ей заниматься этого рода творчеством. В 1912 году в Вильне вышел в свет небольшим отдельным изданием ее труд «В школе и дома. Вопросы быденной гигиены и их практическое разрешение» (в 2 кн.). На экземпляре второй книжки, сохранившейся в архиве Мануйлова, указано, что в 1913 году в

¹ О В. А. Мануйлове см.: Назарова Л. Н. В. А. Мануйлов // Назарова Л. Н. Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004. С. 24—61.

Вильне вышло 2-е издание книги этого же автора «Письмо в школе и дома и его гигиеническая постановка». Судя по сохранившимся машинописным текстам, В. И. Бывалькевич стала педагогом и выступала с лекциями. В ее архиве сохранились тексты двух выступлений на тему: «Пушкин как педагог» и «И. С. Тургенев в вопросе эмансипации женщин».

Публикуемые воспоминания Бывалькевич, сохранившиеся в машинописной копии, были написаны ею много лет спустя после описываемых событий. Не все пока в этих воспоминаниях поддается точной проверке, некоторые даты вызывают сомнения. Так, в речи Тургенева упоминается, что первая часть «Нови» к моменту его выступления была уже опубликована. Это произошло в январе 1877 года. Значит, встреча с курсистками могла состояться не ранее января — февраля 1877 года. В это время, однако, Тургенев был в Париже. С другой стороны, указанная Бывалькевич деталь — третья часть «Нови» — тоже вызывает сомнения, ведь вторая часть «Нови» была напечатана в «Вестнике Европы», хотя и с большими цензурными препонами, уже в феврале того же 1877 года. Что касается третьей части, то ее просто не существовало. Очевидно, мы имеем дело с абберрацией памяти мемуаристки. Тургенев читал страницы нового романа после выхода его в свет. Нет сомнений, что мемуаристка имела в виду музыкально-литературный вечер, состоявшийся 15 (27) марта 1879 года. Во время приезда в Россию Тургенев неоднократно выступал перед различными аудиториями.

В то же время мемуарный рассказ В. И. Бывалькевич интересен во многих отношениях и, без сомнения, по существу достоверен. Описывая происходящее, Варвара Ивановна передала не только свое приподнятое состояние от встречи с любимым писателем, но и попыталась объяснить, почему Тургенев решил выступить именно на Высших педагогических женских курсах. Несмотря на то, что она относилась к прогрессивной части тогдашней молодежи, многое в мыслях и поступках ее сверстниц ей было не по душе. Юные нигилистки, стриженные «под скобку», неопрятность в быту, пренебрежительное отношение к семье и браку — все это вызывало протест. Вот почему выступление Тургенева, его призыв противостоять нигилизму, его поддержка молодых женщин в их стремлении к подлинной независимости, были столь восторженно встречены слушательницами Высших педагогических курсов. Интересно, что Бывалькевич вспоминает о спорах вокруг романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», о том, что курсистки, в отличие от «бестужевок» (Бестужевские курсы открылись в сентябре 1876 года), были на стороне Тургенева, за что были прозваны «бестужевками» «кисейными барышнями». Не случайно она делает вывод о том, что желание выступить на Педагогических курсах было со стороны Тургенева своеобразным «протестом по адресу соблазнительной молодежи». Этот вывод был, очевидно, верным. Но особенно важным в воспоминаниях Бывалькевич и, в частности, в ее докладе «Иван Сергеевич Тургенев в вопросе эмансипации женщин» является сообщение о том, что Тургенева связывали с Высшими педагогическими курсами особые отношения. Оказывается, он стоял у истоков идеи преобразования бывших двухгодичных Педагогических курсов в Высшие четырехгодичные, заботясь о том, чтобы новая программа была приравнена к университетской. По-видимому, дальнейшие исследования выявят новые свидетельства в пользу сообщенных Бывалькевич сведений.

В приложении к воспоминаниям В. И. Бывалькевич мы публикуем также ее письма к В. А. Мануйлову 1930-х годов.

В ноябре 1876 года Иван Сергеевич Тургенев жил в С.-Петербурге. В эту пору он писал свою «Новь». «Новь» печаталась в журнале «Вестник Европы». Студенты и курсистки всех лагерей читали своего любимого писателя и с восторженной торопливостью ждали следующей главы.

В один из ноябрьских дней 1876 года дежурная надзирательница на курсах сообщила нам, что директор просил нас собраться после лекций в актовом зале. Мы дружно исполнили его предложение. Директор взшел на кафедру и торжественно объявил:

«Завтра после лекций, в 6 часов, к нам на Курсы приедет Иван Сергеевич Тургенев. Он желает побеседовать с вами по вопросам современной литературы и прочесть вам очередную главу своей „Нови”. Прошу вас всех встретить и проводить нашего дорогого гостя с подобающим моменту настроением».

Мы с восторгом встретили столь дорогую весть, засыпали директора вопросами: как, почему такая радость выпадает на нашу долю? Иван Федорович — так звали директора — ответил, что инициатива в этом деле принадлежит самому Ивану Сергеевичу.

С нетерпением мы ждали завтрашнего дня. Я лично прямо-таки счастлива была увидеть самого автора «Нови» и услышать из его уст страничку романа. Еще так недавно я переводила на французский язык на приемных экзаменах на курсы «Бежин луг».

Ночь я спала беспокойно, раньше обычного проснулась, раньше обычного прибежала на курсы... За лекциями время быстро пронеслось. Вот и 6 часов вечера. Профессора окончили лекции на 5 минут раньше.

Быстро весь факультет пробежал лестницу и занял место у самых входных дверей парадного подъезда. Сквозь стеклянные двери подъезда видна была улица. За нами бежали курсистки других факультетов. К 6-ти часам все факультеты, профессора и директор были у дверей парадного подъезда в вестибюле. Взоры всех были устремлены на улицу.

Ровно в 6 часов у подъезда остановилась маленькая однолошадная карета. Из нее вышел красивый, величавый человек, закрыв за собой дверцу кареты. Швейцар открыл дверь подъезда, и элегантный гость вошел в нашу обитель. Вид его был великолепен, рост выше среднего, волосы полуседые, осанка молодого человека (ему было тогда 58 лет), выражение лица торжественное. Мы, конечно, аплодировали вовсю. Сдав тут же пальто и шляпу швейцару, сняв перчатки и поправив волосы перед зеркалом, наш гость произнес: «Тургенев». Подав руку директору и профессорам, он рядом с директором и окруженный профессорами и курсистками под шум аплодисментов проследовал в актовый зал. Тесня друг дружку, мы шли сзади.

Иван Сергеевич, войдя в зал, занял место на кафедре. Профессора и директор стали вокруг. Выражение лица Ивана Сергеевича было немного тревожное. В глазах светился огонек любви к собравшимся. Мы все знали уже, что Тургенев любит молодежь и сейчас, в эту минуту счастливого свидания мы отвечали ему той же любовью.

Пока Иван Сергеевич стоял на кафедре, и все стояли. Это было чудное мгновенье. «Прошу садиться», — сказал директор. Все сели, сел и Иван Сергеевич.

Затем Иван Сергеевич сказал приблизительно следующее: «Благодарю вас всех за столь трогательную встречу. Я счастлив, что могу лично выразить вам мое сочувствие вашему стремлению к высшему образованию. Вы, конечно, знали уже, что в этом вопросе я весь с вами, весь за вас. Будьте стойки в вашем деле. Не робейте перед трудностями начатой работы. Ваши курсы являются пионером на пути к высшему женскому образованию. На вас смотрит вся молодая Россия. Ваша роль в жизни России огромная. Будьте же на высоте вашей задачи и докажите, что женщины способны к усвоению всех проблем науки и искусства. Сочувствие и помощь в вашем деле вы найдете и в литературе, и в общественном мнении. В этом я ручаюсь вам, верьте мне. Итак, — продолжал Иван Сергеевич, — вперед без страха и сомнения, за науку, за светлое будущее. А теперь считаю долгом предостеречь вас от увлечения нигилизмом. Мрачная туча этого направления в современной литературе, в лице некоторых ее представителей, является угрожающей силой вашему надлежащему развитию. Рекомендую отнестись к этому вопросу серьезно, чтобы не впасть в ошибку... А теперь, — заключил Иван Сергеевич, — прочтем очередную главу моей „Нови“, она уже готова к печати».

Вынув тетрадь из портфеля, Иван Сергеевич сказал: «Я думаю, не без основания, что первые главы моей „Нови“ вы уже прочли, прочтем совместно продолжение».

Читал Иван Сергеевич вдохновенно, громко и отчетливо. Во время пауз он поглядывал на аудиторию. Мы слушали, затаив дыхание. Каждая мысль, каждое слово были так ценны для нас... Ведь это же он, сам Иван Сергеевич, читает. Никогда, никогда не изгладится из памяти это чтение, эта прочувствованная передача нашего величайшего художника. В глазах нашего оратора светилась искра радости.

Я захватила местечко в первом ряду стульев и не отводила глаз от оратора. Все, все я идеализировала в нем: его речь, взгляды и чарующий облик его лица, красивый лоб, окаймленный полуседыми волосами, и маленькие уши. Не ускользнули от моего внимания и его стройная осанка, и белые тонкие руки.

Окончив чтение, Иван Сергеевич довольно долго молчал, затем он встал, сделал легкий поклон по адресу всех слушателей и тихо, тихо произнес: «Мое чтение окончено, благодарю за внимание».

Когда Иван Сергеевич умолк, нам стало как-то грустно и еще хотелось слушать музыку его речи.

«До свидания, — сказал он, — до следующей главы». Мы аплодировали без конца. «До свидания, до свидания», — еще прозвучал нежный, искренний голос нашего дорогого гостя. Всем стоящим вблизи Иван Сергеевич подал руку. Когда он вышел из зала, курсистки бережно взяли его на руки и донесли до вестибюля. В вестибюле Иван Сергеевич надел пальто и шляпу и направился к карете. Мы гурьбой теснились за ним и долго еще аплодировали.

Наш директор, Иван Федорович Рашевский, благодарил нас всех за внимание к нашему дорогому гостю. Проводив Ивана Сергеевича, мы, курсистки, направились в столовую училища глухонемых, рядом с помещением наших курсов, где заботами нашего уважаемого директора был сервирован для нас роскошный ужин. Мы полакомились пирогом, гусем, тортами и фруктами. Сам Иван Федорович, профессора и надзирательницы разделяли с нами вкусную трапезу. Все были в торжественном настроении. Темой бесед был, конечно, Иван Сергеевич Тургенев. Разошлись в 12 часов ночи. Сам виновник торжества от ужина отказался, ссылаясь на то, что он устал уже и что у него имеется на сегодня срочная работа.

Полная восторга и очарования, я бежала домой. В комнатке моей было тепло и уютно. Радость и счастье наполняли душу мою. Сон убежал далеко, далеко и не скоро я могла его поймать... И пригрезилась мне моя убогая Украина, моя родина... Отец, с неизменным топором в руках — он спешит в дровяной сарай, чтоб нарубить дров... и мама — всегда утрюмая, всегда озабоченная семьей, хозяйством, — только не собой. *Себя* нет у наших деревенских женщин. И никогда, никогда они не мыслят ни о нигилизме, ни о Тургеневе, ни о курсах... И откуда черпают свои силы эти незримые никем богатыри долга и неутомимого труда?.. Невольно вспомнился мне родной поэт Некрасов: «Ты и богатая, ты и убогая, ты и могучая, матушка-Русь...». На другой день в два часа дня я бодро бежала на курсы...

В заключение воспоминаний о Тургеневе я хочу сказать несколько слов по поводу его посещения Высших педагогических курсов. Инициатива этого посещения принадлежала всецело ему. Почему и для чего Иван Сергеевич решил сделать этот богатый последствиями шаг? Решать этот вопрос я не буду. Выскажу лишь свое личное мнение как непосредственная участница праздника.

На горизонте русской действительности выявился во всей своей реальной непринужденности нигилизм, нигилизм под девизом: полное упрощение всех условий жизни человека, как внешних, так и внутренних, упрощение, во многих случаях граничащее с цинизмом. Зачем опрятность? Зачем гигиена? когда можно и без этого великолепно обойтись. Длинные волосы у девушки, выющийся локон — долой их, это лишняя обуза, долой ее. Девушки стригут волосы под скобку. У девушки приличная, умеренной длины юбка — долой ее. Начали укорачивать юбку почти до колен. У девушки хорошенькая ножка и модные туфли — «это барство»... Смазные сапоги надевайте все — и дешево и сердито, они не требуют ухода, крепки, в них можно ходить без галош, а если ноги зябнут — портянки к услугам... Для чего девушке блузка, да еще модная? То ли дело мужская рубашка темного цвета — ее можно не стирать по месяцам. И женщины-нигилистки поголовно напяливали на себя красные мужские рубашки. Помню, как на студенческих балах нигилистки рисовались в танцах своим причудливым «модным» туалетом.

В домашнем быту неопрятность была доведена до крайности. Я имела возможность наблюдать жизнь нигилистки, моей коллеги по факультету. Ее комната была рядом с моей, и я часто к ней заходила: мы совместно читали Маркса. Мне нравился Маркс как философ.

«Почему ты не убираешь комнату», — спрашивала я свою коллегу, когда входила в ее берлогу. Она отвечала: «А зачем это делать, когда и без этого можно обойтись. Это все барские выдумки. Народ наш спит без кроватей, а мы заняты какой-то обстановкой, туалетом, уборкой своих жилищ» и т. д.

Я не оспаривала свою соседку. Все же нигилизм приучал критически относиться к старому некультурному быту, заставлял задумываться над теми вопросами, которые раньше не возбуждали общественного внимания. В этом заключается заслуга нигилизма перед революцией.

Возьмем внутреннюю сторону нигилизма — Бога нет, брак — это ерунда. Разлюбил я жену свою, что за беда, найду другую, вот у товарища жenuшка получше, что ж, поухаживаю за ней — женщины любят разнообразие. Раз-два и дело в шляпе. А развод? Развод — тоже чепуха. А дети? Для воспитания их ведь нужен семейный очаг. И это — чепуха. Довольно того, что мы рождаем детей, а воспитывать их обязано государство и т. д. В этом роде тенденции пронизывали весь и внешний, и внутренний организм нигилизма.

И. С. Тургенев знал, в какую бездну влечет юную молодежь нигилизм, знал он и о тюрьмах, и о том, что ждет молодежь за дверью тюрьмы. Иван Сергеевич всей полнотой души своей был против нигилизма в той части его, которая граничит с цинизмом, с поруганием лучших чувств в области брака и семьи вообще.

И. С. Тургенев порвал с «Современником». Дело в том, что «Современник» в 60-х годах взял определенную линию в сторону нигилизма. Издатель этого журнала, поэт Некрасов, хотя сам и не был нигилистом, но сотрудничество нигилистов допускал в журнале. В журнале сотрудничал И. С. Тургенев. Когда же направление журнала стало противоречить взглядам Ивана Сергеевича, он порвал с «Современником». Его художественная натура не могла мириться с нигилизмом.

Представителями нигилизма в «Современнике» являлись Чернышевский и Добролюбов. Первый выступил в своем романе «Что делать?» с определенной тенденцией за нигилизм.

Роман «Что делать?» вскружил головы юной неопределившейся молодежи. Поднялся шум в литературном лагере С.-Петербурга. Добролюбов умело помалкивал.

Вдруг, как снег на голову, появилась в отдельном издании маленькая брошюра под заглавием «Что делали в романе Чернышевского „Что делать?“». Автор брошюры сенатор Цитович разгромил роман Чернышевского во всех деталях. Нигилизм в брошюре был разбит наголову и осмеян. Автор брошюры не пожалел ярких красок для оценки идеи. Брошюра раздавалась в учебных заведениях бесплатно, читалась поговорно. Шум в литературном лагере продолжался долго и затих сам собой.

Открывшиеся Бестужевские курсы (в сентябре 1876 года) неопределенно держали себя в отношении романа Чернышевского. Мы же, студентки Высших педагогических курсов, были на стороне И. С. Тургенева, за что бестужевки называли нас кисейными барышнями.

И. С. Тургенев тяжело переживал разлад со своими коллегами по литературе. В таком настроении Иван Сергеевич искал выхода своему чувству. Он любил молодежь, служил ей всем разумением своим. И как протест по адресу соблазненной молодежи явилось для Ивана Сергеевича его выступление на Высших педагогических курсах.

Так я понимала и нигилизм, и Тургенева в целом.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ В ВОПРОСЕ ЭМАНСИПАЦИИ ЖЕНЩИН (1850—1883)

Я не буду останавливаться на вопросе эмансипации женщин во всей ширине и глубине его, а подойду лишь к моменту развития данного вопроса в последний период жизни и творчества И. С. Тургенева.

Необходимо заметить, что русское общество в период первой половины XIX столетия не выявляло должного стремления к разрешению женского вопроса. Постепенно перешедшая в нас культура и цивилизация Запада выдвинула и разрешение так называемого женского вопроса. В литературе первой половины XIX века у нас еще не было писателей, глубоко и принципиально интересовавшихся этим вопросом. Так шло время. И вот в 50-х годах в неведомых уголках человеческой природы заискрился вопрос о женщине, о ее судьбе, о ее бесправии, с ее бесчисленными обязанностями, как созданными природой, так и предъявляемыми ей в то время властелином по отношению к ней — мужчиной.

Еще в начале 50-х годов начал проявляться ярко выраженный протест женщин по адресу мужчин-деспотов, протест девушек против деспотизма отцов. Женщины и девушки в больших городах стали собираться в небольшие кружки, целью которых стала борьба за раскрепощение женщин. Вскоре в эти кружки проникли наиболее передовые мужчины.

И. С. Тургеневу в ту пору было около 40 лет. Понятно и естественно, что И. С. Тургенев как человек поистине передовой не мог пройти мимо этой разгоравшейся искорки. Он стал посещать занятия в кружках, и его мнение по женскому вопросу стало высоко авторитетным. В шестидесятих годах женский вопрос настолько вырос, что идеи освобождения женщины проникли уже и в жизнь семьи.

В 1859 году в Петербурге открываются Педагогические двухгодичные курсы для девушек, окончивших Петербургские женские гимназии. Во время приема проводились испытания по русскому языку (сочинение), математике и французскому языку (перевод с русского на французский язык). На курсах было организовано два факультета: ма-

тематический и историко-филологический. Лекции и занятия производили профессора, приближаясь к университетской программе. Тогда же были допущены к приему на курсы и окончившие провинциальные гимназии.

Кружки по вопросам эмансипации женщин продолжали свою работу. В шестидесятых годах их работа становится напряженнее и увлекает все слои передового русского общества.

И. С. Тургенев, по свидетельству современников, стал определенным поборником женского раскрепощения и высказывался за развитие курсов, вплоть до расширения их программ до размеров университетских.

Отмена крепостного права и созданное земское самоуправление сыграли большую роль в развитии женского вопроса. В 1876 году Педагогические курсы преобразованы в Высшие Педагогические курсы и программа их уравнена с университетской программой. Курсы стали четырехгодичными.

И. С. Тургенев усердно следит за развитием этих курсов. Когда наступило время колебания университетской молодежи в поисках идеалов, Иван Сергеевич решительно выступил в своей речи (посвященной Высшим женским педагогическим курсам, в ноябре 1876 года) в защиту женских прав на высшее образование и за все права женщин, как в науке, искусстве, так и в бытовой жизни.

В заключение своего взгляда на вопрос высшего женского образования в нашей стране позволю себе сказать несколько слов о значении как моральном, так и общественном, какое получилось в результате посещения Ив. Сергеевичем Тургеневым Высших женских педагогических курсов в ноябре 1876 года.

«В вашем деле я весь с вами и весь за вас, верьте мне», — так заключил Иван Сергеевич свою речь, обращенную к слушательницам Высших женских педагогических курсов. Эти драгоценные слова, произнесенные нашим обожаемым поэтом-художником, глубоко запали в душу слушательниц и увлекли их в область мысли и искания истины. Мы как бы вдруг почувствовали, что мы выросли в собственных глазах, что мы частичка того огромного целого, которое именуется Россией — родиной нашей. И мы, маленькие сошки, как бы призываемся к работе во славу отечества. Это ли не счастье? Это ли не радость? И наше юное сердце затрепетало жадной труда во имя науки. Окрылились наши мысли, и мы полетели в ту далекую высь, где царит разум человеческий. Никакой труд нам уже не был страшен. Вера в себя стала нашей движущей силой. И я, еще вчера скромная провинциальная гимназисточка, еще вчера — деревенская барышня, намеченная отцом моим в жены сельскому фельдшеру, сегодня мечтаю о том, что и я могу быть и буду профессором, таким же математиком, как наш профессор Вулих.²

² Речь идет о Захаре Борисовиче Вулихе (1844—1897), профессоре Петербургского университета.

И все мы, курсистки, стали как бы друг другу родными. Весело стало на душе у нас. Весело бежали мы на курсы, весело съедали в курсовой столовой скромный обед. Упорно выполняли серьезные курсовые задания и гордились и нашим дорогим учителем, нашим поэтом-художником, и тем, что мы его как бы ученицы... Так дорогой порыв нашего великого писателя, золотые слова его речи, воплотились в жизнь женщин-курсисток и их поколений.

Честь и слава тебе, дорогой наш учитель Иван Сергеевич Тургенев! Пройдут многие столетия, и человечество, в особенности его женская половина, не перестанет чтить твою память. Плоды твоих трудов незримо войдут в жизнь народов и будут вечным тебе памятником.

ПИСЬМА В. И. БЫВАЛЬКЕВИЧ К В. А. МАНУЙЛОВУ

1

28.II.38.

Если материалы по идее приемлемы, то необходимо несколько развить вопрос о борьбе с совестью.

Жду ответа. В. Б.

2

Дорогой Виктор Андроникович!

Уступая Вашему утверждению, я обыскала все свои кулуары и не нашла копии моих «воспоминаний» (1-я глава). Я отдала эту копию Вам еще в нашем Литерат<урном> кружке... Помню это и утверждаю. Любя Вас, я не буду Вас утруждать поисками столь ничтожного труда, но прошу Вас временно дать мне мои «воспоминания» (обе главы). Я сниму искомую копию и буду продолжать работу 3 главы.

2. Если можно, черкните — когда будет обсуждение «учебника» р<усской> л<итературы>.³ Меня как педагога это дело оч<ень> интересует.

3. Как Вы думаете по следующему вопросу?

А. М. Гордин⁴ предложил мне разработать <нрзб.> тему: «Воспитательное значение произведений А. С. Пушкина». Взяться мне за этот труд?

---

³ Очевидно, речь идет о подготовленном В. А. Мануйловым учебнике «История литературы народов СССР», который так и не вышел в свет в связи с начавшейся в 1941 г. Великой Отечественной войной. Идея создания этого учебника принадлежала председателю Пушкинского Общества А. Н. Толстому. См. об этом: Мануйлов В. А. Записки счастливого человека. Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов / Под ред. Н. Ф. Будановой. СПб., 1999. С. 326—327.

⁴ Гордин Аркадий Моисеевич (1913—1997), пушкинист, один из организаторов Пушкинского заповедника в Михайловском, член Пушкинского общества в Ленинграде, с

4. Снимите с меня личину мучительной застенчивости. На всяком нашем собрании я имею в уме и вопросы и замечания, но не могу решиться открыть рот.

5. А 5-е Вы знаете, что семья моя в полном составе шлет Вам привет.

Искренне предан<ная> В. Б. Зрение гибнет!!

P. S.

3.XII в 6 ч<асов> в<ечера> нам почта доставила бюллетень занятий в П<ушкинском> О<бществе>. В нем значится: «3-го. XII в 3 ч. дня собрание кружка в театре А. С. Пушкина...». Конечно, никто из нас не мог пойти, хотя следовало бы и даже *очень*. И в прошлом месяце было такое же опоздание почты. Досадно. Извините за беспокойство.

3

29.IX.38.

Дорогой Виктор Андроникович,

Вам пишет человек, искренно Вам преданный и любящий Вас чисто по-матерински. Поэтому, если я напишу что-либо и невпопад, то да будет прощено мне.

27.IX на собрании я сказала, что доклад надо будет обсуждать спустя некоторое время, ибо не все способны мыслить «быстропалительно». Разрешите поэтому хотя частично высказаться.

Первая часть Вашего доклада прекрасна, о второй же части его надо сказать: «се дило требо разжуваты». По-моему, изложение темы слишком проблематично, даже как будто несколько хаотично, неясно. По-моему, вопрос о происхождении таланта вообще — дело скорее физиолога врача или же психиатра, а не литератора. Дело о воспитании таланта — это уже скорее <дело> литератора. За это в данном случае говорит сопоставление. Об окружении поэта сказано мало и неясно, по крайней мере, для меня. Впечатление от второй ч<асти> доклада: как будто среди какого-то бурьяна, крапивы, волчки и разных сорных трав вырос и расцвел роскошный благоухающий цветок. Но как попал зародыш этого цветка? Откуда? И как он — цветок не зачах в траве — это не ясно... Вот как я мыслю сегодня. Если еще до чего домыслю — сообщу...

Мой Борис и Шура хотели пойти на Ваш доклад, но Борис ошибочно пошел в Д<ом> учителя. Шура пришла с конференции в 10 ч. в. О Борисе скажу: у него большая голова, мыслит он — как рожденный

1937 по 1946 гг. редактор Ленинградского отделения издательства «Учпедгиз». О Пушкинском обществе см.: *Назарова Л. Н.* Из воспоминаний о Пушкинском обществе в Ленинграде 1930-х годов // *Назарова Л. Н.* Воспоминания о Пушкинском Доме. С. 6—34. См. также: *Мануйлов В. А.* Записки счастливого человека. С. 338.

математик и б<ывший?> философ. Он мог сказать хорошо о Вашем докладе. Б<ыть> м<ожет>, Вы дадите ему прочесть доклад?.. И высказаться... Вообще очень бы хотелось видеть Вас в тот день, когда мы все дома. Сообщите, в какой день вечером Вы свободны. Шура, Борис и Галя очень кланяются и выражают желание видеть Вас. Сообщите Ваши свободные вечера вскоре после обеда <?>. Не надо откладывать надолго...

Пришлю найденное у меня в бумагах письмо к Вам. Помнится, это не копия, а подлинник, поэтому посылаю. Умоляю, простите за беспокойство...

Искр<енне> пред<анная> В. Б.

P. S. Не встречали ли Вы А. М. Гордина? Напечатана ли была моя рецензия о Вашей книге «Литературные игры»?

В заключение примите <?> еще «одно, последнее сказанье» — стихи. Больше, даю слово, писать стихов не буду.

Мою статью «Пушкин как педагог» *уничтожьте*.

Очень прошу: найдите *второй* экземпляр моих «воспоминаний». У меня его нет, Вы не отдали его. Жду ответа.

В. Б.